

Йоханес Ангермюller

От национального патриотизма до этнического дальтонизма: армяне Санкт-Петербурга в биографической перспективе

В статье представлен анализ некоторых результатов исследования армянского меньшинства в Санкт-Петербурге. Автор избрал армянскую общчину предметом изучения потому, что в данном случае были доступны для наблюдения ее связи с контекстом. Используя логику «отдельного случая», автор делает попытку продемонстрировать связь биографического, исторического и социально-структурного измерений социальной реальности, что дает возможность понять некоторые стороны функционирования российского общества, исходя не из результатов количественных замеров, а в перспективе качественной «репрезентации» [15, S.191].

Материалом изучения, на основе которого был реконструирован некоторый «взгляд изнутри», стали 24 биографических проблемно-ориентированных интервью, собранных сотрудниками ЦНСИ в Санкт-Петербурге в 1994–1995 годах. Основным для данного исследования стал вопрос, как в биографиях представлено влияние социальных изменений в советском (российском) обществе на формирование этнического самосознания¹. Такая задача и обусловила выбор биографического метода.

¹ Данная статья представляет собой сокращенную версию публикации (*Ethnizität, Biographie und sozialer Wandel in einer Transformationsgesellschaft – Eine empirische Studie zur armenischen Minderheit in St.Petersburg. IPRAS-Schriftenreihe Schriften zur Transformation*, 2. Erlangen, 1997), в которой дано теоретическое обоснование предлагаемого анализа. Хочу поблагодарить проф. Ю.Фельдхофа, проф. Х.Харбаха и С.Ребин из Tempus/Tasis-Programm в Билефельде (Германия), которые предоставили мне возможность пятимесячного пребывания в Петербурге в 1996 году. Использованные для написания работы интервью были любезно предоставлены мне сотрудниками ЦНСИ. Я выражают особую благодарность Е.Чикадзе, которая взяла на себя огромную часть работы по проведению и расшифровке интервью, а также А.Бакулину, О.Бредчак, О.Калачевой, О.Карпенко, Д.Пирадовой, М.Фертовой, которые в ходе многочисленных дискуссий помогли мне интерпретировать материал. И наконец, необходимо упомянуть поддержку моих научных руководителей проф. Г.Шмидта и доктора А.Бош.

Презентация результатов выдвигает особые требования к возможностям текстовой драматургии. «Необходимость представления интерпретационной работы» [19] требует такой формы, которая позволяет проявиться комплексности биографического материала и удовлетворяет потребность читателя проникнуть во всю полноту данных. На основании этого методологического требования из всего массива были выбраны три типичных биографических интервью и на их основе предложена типология, которая дает возможность описать биографические переживания и этническое сознание в определенной системе понятий.

Выбор множества интервью обусловлен принципом контраста. Решающими для выбора становились особенности случая, а не частота встречаемости того или иного типа в массиве интервью. Были выбраны экстремальные проявления реконструированных исследователем идеальных типов, проясняющих диалектическую связь общего и особенного.

Первоначально материалы интервью были упорядочены по двум критериям: во-первых, по общей модели ориентации (напр., этническое сознание, профессиональная или семейная ориентация и т.п.), во-вторых, – по собственно биографическому критерию – такому, как биографическая (не-)защищенность. Рассмотрим подробнее эти критерии.

1. Общая модель ориентации содержит набор образцов толкования, являющихся доминирующими для миропонимания и жизнедеятельности информантов. Наряду с семейной или профессиональной доминирующим характер может принять и этническая ориентация. Как правило, личность имеет в своем распоряжении несколько ориентационных схем, которые могут друг друга дополнять или друг другу противоречить².

Этнический подход – это одна из возможных ориентационных моделей. Она может выступать на передний план или, в зависимости от общественно-исторической ситуации, быть вытесненной другими моделями. Этническая идентичность понимается как феномен,

Angermüller, Johannes (1998): „*От национального патриотизма до этнического дальтонизма: армяне Санкт-Петербурга в биографической перспективе.*“ (Von nationalem Patriotismus zu ethnischer Farblindheit. Die Armenier in St.-Petersburg in biographischer Perspektive), in: Viktor Voronkov und Ingrid Oswald (Hrsg.): *Konstruierung ethnischer Identität: Ethische obshiny Sankt-Peterburga.* St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, S. 260-301.

который обнаруживает, с одной стороны, различную интенсивность, а с другой, демонстрирует огромные качественные различия. Так, некоторые люди, например, осознают себя принадлежащими к различным культурным пространствам одновременно (этнически смешанная идентичность), тогда как другие вообще не обладают идентичностью, сформулированной в этнических понятиях. Некоторые инструментально используют возможности, предоставляемые принадлежностью к этнической группе, для удовлетворения каких-либо потребностей; для других этническая ориентация не связана с прочими системами, ориентирующими их деятельность.

Этнический способ интерпретации социальных событий («этническое сознание») представляет собой попытку действующего субъекта совладать с социальной и биографической комплексностью. Таким образом, этническое сознание представляет собой специфическую установку индивида в отношении социальных явлений и процессов. Такая установка важна для понимания социальной реальности. Этнически определяемый мир – это вовсе не иллюзия. Как справедливо утверждает У. Томас, реальным является все то, что реально в своих последствиях.

Этничность опосредована взаимодействием, точнее, интерпретацией: степени свободы ограничиваются выработанными взаимно приписываемыми ролевыми отношениями; структурные детерминанты следует понимать как *рамки* формируемой этничности, в которых описывается спектр поведенческих возможностей. Этническая идентичность зависит как от времени и социального окружения, так и от модели ориентации действующего лица. Подобный подход подразумевает изменчивый и пластичный характер этнического сознания. Этнические ориентации нуждаются в постоянном определении и подтверждении с помощью биографических событий и ситуаций взаимодействия. Человек вынужден выполнять непрерывную идентификационную работу³.

Этнически определяющий себя субъект понимает мир в этнически опосредуемых интерпретационных рамках. Кроме того, партнер субъекта по взаимодействию вписывает его в свою этническую роль. Процесс взаимодействия конституируется через возникновение этнической идентичности. Эта идентичность может быть стабильной,

³ Эта мысль высказывается Э. Гоффманом [8, S.31], который обсуждает случай «утраты идентификационного оснащения». Идентичность постоянно подвергается угрозе и столь же постоянно должна «поддерживаться в порядке».

сохраняясь в рамках конкретного опыта взаимодействия, при этом идентичность неотделима от такого опыта⁴. Нет такой этничности, которая скрыто «зриметь» в индивиде. Она существует только в процессе понимания.

2. Собственно биографический критерий – биографическая (не-) защищенность. Этническое сознание закреплено биографически. Уже ссылка на «запас знаний»⁵, на биографическое наследие личности придает этничности смысла. Значение этничности может быть выявлено лишь на фоне сложения биографических знаний. Биографическое измерение охватывает как влияние общественных факторов на ход биографии, так и преодоление их индивидом. Такое понимание этничности исходит из «созидающего процесса» [4, S.140], что означает, что принятие существующей интерпретационной схемы сопровождается «творческим» конструированием.

Наряду с использованием биографического подхода в перспективе теории действия рассмотрим отношения между социальным, экономическим и политическим развитием и возможностями биографического самоопределения.

Биография не является ни объективной, ни субъективной – она всегда есть преодоление субъектом объективных факторов. Во временной перспективе развития истории жизни биография в известной степени является шифром для комплексного взаимодействия индивида и общества.

Как жизненный путь (*life course*) она описывает объективное отношение, как записанная история жизни (*life record*) или «биографическая тематизация» [12] она предлагает последовательный подход к проблеме субъективности [2, S.46].

Однако не только история жизни, но и основополагающая биографическая защищенность есть конструкт индивида, способствующий преодолению противоречий жизненного мира. (Не-)защищенность есть, с одной стороны, структурное условие систем действия,

⁴ Г. Мид [18, S.182] исходит из того, что «идентичность лежит в основе общественной структуры и вырастает из общественного опыта. Сформированная идентичность сама начинает продуцировать собственные общественные опыты. Таким образом, мы можем себе представить абсолютно изолированную идентичность, однако в любом случае она не может возникнуть вне общественного опыта».

⁵ В «Структурах жизненного мира» А. Шютц и Т. Лукман указали на связь историчности и интерсубъективности: «Каждый шаг моего толкования мира основывается соответственно на запасе предшествующего опыта – как моего непосредственного опыта, так и того опыта, который передается мне другими людьми, прежде всего родителями, учителями и т.п.» [20, S.29].

т.е. определяющий элемент жизни и тем самым «привычнейшая в мире вещь». С другой стороны, как в социальной жизни в целом, так и в науке постоянно и в том же масштабе конструируются фикции защищенности, безопасности, и незащищенность кажется под этим углом зрения почти патологией [28, S.10].

Конструкция стабильного биографического пути обусловлена, точнее, поддерживается институционально [28, S.11]. Биографическая (не-)защищенность находится в области пересечения субъективных и объективных факторов; вместе с защитой может иметь место «переход общественных макроструктур в область индивидуального ведения жизни» [21, S.3].

В биографических защитных конструкциях проявляется как влияние процессов общественного развития, так и субъективные стратегии преодоления. Поэтому дифференцирование биографий по критерию масштабности защитных конструкций напрашивается само собой.

Так, небогатая изломами биография (биографическая защищенность) указывает на бесперебойный тип развития без четких поворотных моментов. Цепочка биографических событий создает непротиворечивое для индивида целое, которое, как правило, не требует глубокого постоянного определения собственной идентичности; как социокультурное, так и идентификационное местоположение может быть сохранено и стабилизировано.

Напротив, биография с изломами (биографическая незащищенность) описывает жизненный путь, который постоянно или временами вводит индивида в ситуации, которые определяются как нежелаемые, фатальные или случайные. Притязания индивида наталкиваются на препятствия, которые мешают или ставят под сомнение бесперебойный «успешный» биографический путь. Собственный эскиз биографии выступает как малосовместимый с экономическими, политическими и культурными условиями, в которых находится действующее лицо.

Выбор представленных ниже отдельных случаев связан с различиями в их местоположении в предлагаемой двухмерной модели, где одна ось указывает на доминирующую ориентационную модель, а другая – на биографическую (не-)защищенность. В первом случае (Армен Р.) мы наблюдаем сильную этническую ориентацию на фоне сложного биографического пути. Для второго случая (Диана С.) характерна дополняющая связь этнической и профессиональной ориентаций, благодаря чему жизненный путь стабилизируется после

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

социальной катастрофы. Третий случай (Леон П.) демонстрирует бесперебойный жизненный путь, где этничность не играет значимой роли.

Случай 1. Армен Р.: патриот

Вехи жизненного пути. Армен Р. родился в 1948 г. в Кировакане (Армения). Бабушка и дедушка переехали туда в 1915 г. из Турции, спасаясь от геноцида. Отец – художник-оформитель, мать – бухгалтер, оба армянского происхождения. Армен жил до 17 лет в Кировакане и ходил там в школу. Потом он поступил в ереванскую Высшую школу искусств, которую вскоре вынужден был покинуть. В 1966 г. с целью продолжить обучение он переезжает в Ленинград, где ему, однако, не удается поступить в Академию Художеств.

С тех пор информант живет в Ленинграде как свободный художник. После возрождения армянской церкви в Ленинграде он помогает в ее художественном восстановлении и активно участвует в жизни церковного и общинного советов. С 1974 г. женат на гречанке, детей нет.

Родительская семья и этничность. Воспоминания информанта о бабушке и дедушке относятся к их роли в движении за независимость Армении: «Дед был патриотом... армянским патриотом, да» (2). Армен видит его в первую очередь представителем этнической группы. Дед, который умер, когда Армену было 4 года, был лично знаком с генералом Андраником, «армянским героям»⁶, и боролся за суверенную Армению.

На фоне тесной связи между национальной и религиозной идентичностью можно сделать вывод об этнически доминировавшей ориентации в семье. Феномен этнически опосредованного восприятия оказывает на этническое «кодирование» семейно-исторических воспоминаний.

Этническое кодирование означает, что социализация в семье ведет к повышенной чувствительности в восприятии этнически определенных элементов собственного жизненного мира. Такие личности, как его дед, воспринимаются Арменом как представители этнической группы и играют этнически определяемые роли, они зани-

⁶ Генерал Андраник – армянский национальный герой, который воевал в Перовую мировую войну с турками.

мают более значимое место в реконструируемой им истории семьи, чем менее этнически важные ее члены.

Родители Армена относятся к среднему слою. Отец владел собственным цехом графических услуг. Поэтому сын с детства имел дело с «красками, кистями и карандашами» (1). У родительской семьи было неплохое материальное положение и сравнительно высокий социальный статус.

Армен описывает отца и мать как «чистокровных армян» (1). Они ведут армянскую жизнь, в которой большую роль играет религия. «Вот эта традиция, все праздники у нас соблюдались, все было. Основные у нас Пасха, Новый год, семейные праздники. Ну, не только у нас, в общем-то по всей Армении так» (3).

Помимо связи этничности с религиозностью, в этом высказывании выражается типичное для мыслей Армена обстоятельство: он склонен к распространению на всех армян собственных этнических представлений. Эта склонность заметна и в ответе на вопрос о преобладающем языке в семье и в родном городе. Армен не ограничивается в своем изложении близким ему жизненным миром, но постоянно переносит свои представления на армян вообще: «В любом городе Армении, в любом городе общение армянское – основное» (2).

Типичным для стремления к подобному совмещению является то, что собственная деятельность определяется этнически. Предполагается, что практически все другие члены этнической общности ведут себя аналогично или обладают теми же признаками. Подобные высказывания отражают представление информанта, что такая сложная социальная общность, как национальная, гомогенна («в любом городе Армении»). Таким образом, конституированные национальные качества и свойства характера обосновываются с помощью нормативных высказываний: Армен требует от всех армян использовать в повседневном общении армянский язык.

Из этого следует, что приписываемые информантам армянам национальные черты сначала определяются как реально существующие (фактическое измерение), а затем эти черты объявляются требуемыми (нормативное измерение). В результате конструируется общая совмещенность установок и поведения, этнической «реальности» и нормативных представлений об этничности.

Обстоятельства прибытия в Ленинград. После окончания школы (1965) информант планирует продолжить образование. В том же году он посещает несколько городов, в том числе Москву, Ростов-

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

на-Дону и Ленинград, чтобы «где-нибудь изучать искусство» (1). В Ленинграде «я был в общей сложности три дня, мне понравилось» (1). Однако до этого он еще учился год в художественном училище в Ереване, «откуда меня торжественно выгнали» (3). Осталось неясным ни то, почему он должен был покинуть училище, ни то, в какой мере это повлияло на его решение переехать в Ленинград. Эмоциональный выбор слов все же помогает понять, что это событие стало кризисным переживанием для информанта.

По совету ленинградской художницы, знакомой его отца, Армен приезжает в 1966 году в Ленинград. «Она видела мои работы, и она полагала, что мое место в Ленинграде» (1). Он пробует продолжить художественное образование и подает документы в Академию Художеств, однако не может поступить туда два года подряд.

Адаптация к новому месту жительства идет проблематично.

Во-первых, перед ним встала проблема языка – говорить по-русски он «в целом не мог» (3).

Во-вторых, не осуществились его планы на дальнейшую карьеру в ленинградской Академии Художеств. Поэтому он продолжает свою деятельность в искусстве без формального образования. Тройкратное непоступление в вуз стало для Армена суровым ударом. Художественное признание в собственном окружении не было подкреплено формальным сертификатом о профессиональном образовании. Все же информант идентифицирует себя в дальнейшем как художник и в этом качестве активен.

Профессия и образование. Армен «не любил учение» (4); лишь ради отца он ходит в школу, которую без особого блеска оканчивает. После этого он предпринимает несколько попыток изучать искусство. Его упрямство в реализации этой цели, несмотря на повторяющиеся неудачи, указывает на сильную мотивированку. Тем тяжелее должен был быть опыт отказов.

Не получив формального диплома, Армен делает ставку на работу по случаю и на самостоятельность. Он основывает «мастерскую» и поддерживает многочисленные контакты с ленинградской художественной средой. Можно считать, что профессиональная деятельность в системе ценностей информанта была исключительно важна.

Семья. Армен женат с 1974 года на гречанке. В его семейной жизни присутствуют как армянские и русские, так и греческие эле-

менты: «У нас всегда была восточная кухня. Аргани [его жена. – Й.А.] готовит и по-гречески, и по-армянски. Ну, если у нас дома готовится борщ, тоже это стилизованный русский борщ, но на армянский мотив. Да, это все в быту осталось» (16).

Из этой цитаты видно, что Армен не уравнивает мультикультурные элементы семейной жизни с армянскими. Это следует назвать «этнической окраской» объектов повседневности: определенные ежедневно используемые вещи описываются как этнически значимые и тем самым возводятся до уровня части этнической культуры. Так, для Армена борщ не «нейтрален», а находится в определенном этническом контексте. Атрибутированным таким способом традициям и привычкам приписывается особая значимость, и они выступают на первый план на фоне прочих элементов повседневной жизни. Последнее предложение из высказывания информанта обобщает это обстоятельство и показывает значение этнически определяемой культуры в его жизненном мире.

Язык, религия и этнический образ жизни. До середины 70-х годов Армен редко встречается с армянами в Ленинграде. Его социальные контакты ограничиваются в основном евреями и russkimi: «до 1988, пока не начали строить армянскую церковь» (1). Однако он подчеркивает, что «и в нашем литературном кругу, среди писателей, художников <...> всегда чувствовал себя армянином» (1). Можно с уверенностью говорить о существовании у него еще до перестройки этнически закрепленной идентичности, а открытие армянской церкви (1989) способствовало дальнейшему проникновению армянской культуры в жизненный мир информанта.

Оказание помощи церкви – это конституирующий момент для самосознания Армена. Еще в советское время он решительно выступает за основание армянской церкви в Ленинграде. Важной предпосылкой для религиозной жизни и жизни в григорианской общине является владение армянским языком. Вспоминая об аудиенции у католикоса, Армен говорит: «Когда я был у него во второй раз, это самый высший комплимент, что я мог бы получить, – он мне сказал: [армянское слово. – Й. А.] – это... как-то... сынок или ребенок – как ты хорошо говоришь по-армянски! Для меня это был самый высший комплимент!» (4).

Это высказывание – выражение сложного сочетания стремления к общественному признанию, религиозной ориентации и этнического видения мира. Ввиду того, что в других областях жизни он не по-

лучил желаемой оценки, информант выделяет языковые достижения, на признание которых он особенно претендует, так как является этнически ориентированным человеком. Сильная эмоциональная реакция на похвалу католикоса означает, что Армен понимает владение языком как заслугу, стоящую признания. В церкви оценены его языковые и художественные способности.

Армен связан с церковью практической деятельностью. Внимания к религиозным вопросам в узком рефлексивном смысле у него не обнаруживается. Религиозное для Армена важно как средство для воплощения его национальных целей. Так, речь для него идет в первую очередь не о христианском убеждении, а о требованиях армянской общины – он хочет «быть полезным для армян» (9). Серьезность, с которой он выполняет работу для церкви, показывает невозможность для него сознательного инструментального подхода. Гораздо ярче выражены в взглядах Армена национальные представления и религиозная идентичность.

Этническая группа как ресурс. Как уже сказано, информант уделяет значительную часть своего времени помощи церкви. Эта деятельность приносит ему эмоциональное удовлетворение, профессиональное признание, дает возможность реализовать свой этнический интерес. Включенность в этническую группу играет свою роль и в политической деятельности Армена Р.

Отношения с государством оказали большое влияние на политические взгляды Армена. Вот как он описывает свое участие в формировании круга единомышленников, что привело его в дальнейшем к конфликту с властями: «Здесь учился тогда в Мухинском училище мой приятель. <...> Он первый раз меня пригласил, <...> мне было очень сильно и очень радостно, что вот здесь собираются. <...> Когда у меня была мастерская, в мастерской все собирались и решили, именно в этот день <...> создать общину <...> именно этот день, это... не знаю, это траурный день, никакого праздника, ничего. <...> Ну, уровень, я не знаю, это официально или неофициально, но если мы собрали кафе, занимали кафе, знаете, слухачи наши.... Ведь и милиция знала, и ГПУ знало, вероятно, эти люди принимали участие» (3, 4).

Попытки создать организацию встречают противодействие политической системы. Опыт общения Армена с государственными органами формирует этнически окрашенный диссидентский менталитет.

Становится ясным, что этническое поведение трудно отделить от политического. Возможность создать этническую организацию требует определенной свободы ассоциаций в принципе, в то же время в политической деятельности может использоваться этническая сеть.

Вышеизложенное необходимо дополнить взглядом Армена на отношения с русским окружением. На вопрос о том, существует ли у армян какая-либо определенная картина русского человека, он отвечает: «Ну, это однозначно: лодыри! Не любят работать. <...> Тот, кому Бог дал, тот должен зарабатывать, чтобы другому помогать. В Армении это так. <...> Это присущий армянам характер, это вот, если хотите... опять это, то же самое, национальная черта. Если было бы так у русских, я был бы рад» (15).

С русскими Армен связывает политические сложности, этническую дискриминацию и лишение его общественного признания. В отношениях с русским окружением он выстраивает жесткую границу. Сравнивая армянскую и русскую культуры, информант отрицает наличие каких-либо недостатков у армян. По его мнению, армяне характеризуются устойчивой ориентацией на труд, что определяет их моральное превосходство над русскими. Собственной этнической группе приписываются высокие морально-нравственные ценности. Из этих представлений Армен черпает материал для развития и укрепления этнического самосознания.

Опыт дискриминации. Армен чувствителен к этнической дискриминации.

Свои профессиональные разочарования он объясняет враждебным отношением к армянам в российском обществе. На вопрос, не сталкивался ли он с негативным отношением к нему из-за его национальности, он отвечает: «Много раз, много раз». Когда же интервьюер просит рассказать, случалось ли это в последнее время, Армен говорит: «Нет, это до этого... Нет, я могу вспомнить, но не хочу этого делать, потому что в любой национальности это есть, в любом месте... Ну, скажем, даже первое, что у меня было, это я скажу, когда меня не приняли в Мухинское училище, я даже знаю кто, почему... потому что я армянин» (8).

Этот отрывок раскрывает существующую в сознании Армена связь между общественными изменениями, фактами биографии и этничностью.

Профессиональный неуспех объясняется им этнической судьбой, «судьба» при этом связывается с невозможностью корректиров-

вать свой жизненный путь. Кстати, в другом месте Армен сообщает, что его несправедливо выгнали из ереванской художественной школы. Однако причины этого остались в тени, и неясно, как он объясняет свои профессиональные сложности в армянском окружении в Ереване.

Армен ощущает некое насилие над своей «биографией», что связано, по его мнению, с этнической принадлежностью и враждебностью со стороны окружения. При этом он исходит из того, что такой произвол нормален «у любой национальности». Это ведет к парадоксальному выводу, что он в принципе принимает дискриминацию как должное.

По этой «этнической» логике он объясняет свои успехи не столько личными способностями, сколько этническими качествами. Для Армена важно признание в первую очередь представителей своей этнической группы (например, похвала армянского католикоса). Его система ценностей и отношение к собственной биографии демонстрируют преобладание у него коллективно-ориентированного мышления, с помощью которого информант определяет свое место в этнической группе.

Обобщенное представление об этничности. Представление об этническом мировоззрении информанта будет неполным, если не показать в заключение влияние его этнической ориентации на отношение к городу и к российскому обществу. Он не рассчитывает на создание в Петербурге «мини-Армении», но полагает, что необходимо «оставаться как армяне» (12). Более важной представляется возможность идентификационной привязки одновременно и к Армении, и к Санкт-Петербургу. «Сегодня, когда идет спор, как всегда <...> является ли главным городом Ленинград или Москва, для меня это, конечно, Ленинград» (10).

Нет никакого противоречия в этнически детерминированном мировоззрении информанта. Из необходимости соотнести этничность с определенной территорией для Армена не следует, что такая территория должна быть единственной. Другими словами, «Ленинград» может служить такой же исходной точкой идентификации, как и «Армения». Опыт миграции изменяет отношение к пространству и идентификационную привязку к территории. В результате формируется образ ленинградца-армянина, происходит «кудвоение» родины.

Очень важны для выявления особенностей этнического сознания информанта его представления о существовании «национальных

черт». На вопрос интервьюера о том, не является ли национальный характер мифом, не приписываются ли те или иные черты каким-либо народам, Армен отвечает: «Нет, они существуют. Это не миф. <...> Вот уже два года или три года распался Союз на 15 республик. Давайте... я даю вам свободно думать и самой ответить на ваш вопрос: армянские черты. В любой республике, в любой идет гражданская война. Вспоминайте, в любой. Даже здесь, у нас, в России. Это единственное – в Армении нету гражданской войны. Это не то, что у них хорошо, там еще хуже, чем во многих других местах. Голод там просто, но гражданской войны нет. Это характер нации или нет? Они гордо... не хотят свои сплетни домапиние вынести из дома. Терпеливо... они терпят, терпят, как и с 1-го века терпели. <...> Ведь это самая древняя нация, что до сих пор себя сохранила» (7, 8).

Армен не согласен с заложенным в вопросе конструктивистским подходом к этничности. Он не допускает мысли, что интервьюер подвергает сомнению его эссенциализм, что и подчеркивает, требуя от интервьюера «свободно поразмышлять».

Информант исходит из реального существования народа, обладающего конкретным национальным характером, выступая против представлений о нации как «воображаемом сообществе». Утверждая, что для армян характерна солидарность, он укрепляется в убеждении, что у армянского народа есть предназначение свыше.

Аналитическое заключение. Обобщая вышесказанное, следует указать на некоторые важнейшие механизмы повествования информанта.

Исходная точка его этнического мышления лежит в первичной семейной социализации («этническое кодирование»). Национальная однородность собственного народа принимается им как факт и становится нормой. Это облегчает преодоление сложных биографических переживаний.

Его закрытость по отношению к обществу, усиленная трениями с политической системой, привела к рефлексивному закреплению эссенциалистского понимания этничности. Неравномерное течение жизненного пути Армена выразилось в «коллективном укладе» его жизни и «фатальном» отношении к историческому пути народа, частности которого он себя ощущает, что уменьшало возможности индивидуального контроля за ходом жизни.

Исходя из концепции жизненного мира (*Lebenswelt*), схема национальной ориентации выразилась в тенденции этнически окрашивать определенные объекты повседневной жизни, снабжать их «этническими индексами».

Расширявшееся понимание пространства (благодаря опыту миграций) в конце концов переработалось в форму «мультиидентичности» ленинградца-армянина.

Случай 2. Диана С.: армянская певица

Основные события биографии. Диана родилась в 1925 году в Ереване. Ее предки были из влиятельного дворянского рода, который потерял состояние и власть в результате турецкого геноцида 1915 года и Октябрьской революции.

После Первой мировой войны родители Дианы работали в Академии наук, а в 1938 и 1942 году пали жертвами сталинских репрессий. Диана, круглая сирота, живет до конца сороковых годов с сестрой в тяжелых условиях в Ереване. Она прерывает обучение в ереванской консерватории и переезжает в 1949 году в Ленинград, где поступает на певческое отделение Консерватории, получив престижную стипендию. После окончания обучения работает певицей и выступает с концертами по всей стране. Она становится членом КПСС и получает за художественные достижения звание Заслуженной артистки Армении. В середине 70-х годов она принимает участие в организации армянской общины в Ленинграде. На первых демократических выборах 1989 года она выставляет свою кандидатуру, но потом снимает ее. Диана – вдова, имеет сына и двух внучек.

Родительская семья и этничность. Диана прослеживает своих предков с XII столетия, хотя она и «не готова в этом подписаться» (4). Так, ее предки построили в XII веке церковь и замок в Лорисе в южной Армении.

Она возводит свое происхождение к роду Лорис-Меликовых, который был одной из известнейших княжеских фамилий в Армении и России. Один из ее предков был влиятельным министром внутренних дел Российской империи. Кроме того, Диана сообщает: «Его внук женился на внучке Пушкина от младшей дочери, Наталье. Возьмите книгу “Наследники Пушкина” [имеется в виду книга «Потомки Пушкина». – И.А.], все наследники Пушкина, идущие по

младшей дочери, носят фамилию вообще Меликовы. Представляете, как интересно!» (4).

Сознание великого аристократического прошлого особенно значимо для ее взгляда на историю семьи. По тому, как она подчеркивает высокий общественный статус семьи в своих конструктах прошлого, выясняется доминирующая в семье ориентация на верхние слои общества. Однако эти притязания наталкиваются на нисходящий ход истории семьи. Семейно-историческое сознание Дианы – важный фактор как для статусных притязаний, так и для этнической схемы ориентаций.

Вспоминая о родителях, Диана говорит: «Мои родители были удивительные люди, красивые, умные и очень образованные люди» (1). Отец «прекрасно владел русским», что является признаком благополучного статуса советского ученого. Однако и здесь присутствует соединение патриархальности и высокой образованности: «У нас был патриархальный дом. Хотя у меня, как вы понимаете, были интеллектуально развитые родители, ученые люди были. Но я вам говорю, что отец не разрешал русский язык из-за того, чтобы мы свой язык знали, свою историю, свою литературу знали в совершенстве. Вот это я помню» (5).

Родители передали Диане не только чувство принадлежности к армянской культуре, но и знание языка, что необходимо для «армянской жизни».

Вероятно, поддержание армянских традиций занимает важное место в жизни информантки, однако, в отличие от колективистской ориентации Армена, в семье Дианы владение культурным и языковым «наследством» понимается как личное достижение. Этнически кодированные достижения сопутствуют общему стремлению к успеху. Этническое сознание задано не фатально, а его следует поддерживать.

Стремление к индивидуальным достижениям вписывается в национальную идею Дианы, ориентационные схемы – такие, как «работа», «заслуга», «достижение», – оставляют отпечаток на этническом самосознании.

Счастливая жизнь в родительской семье закончилась для Дианы рано: к семнадцати годам она осталась без родителей. «Папу вообще обвинили, что он японский шпион, и, как потом рассказывал следователь, папа все время возмущался и говорил: «Ну ладно, если надо шпион – пусть буду, но почему японским? Это же так далеко, давайте поближе»» (1).

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

В этой цитате звучит возмущение государственным произволом, который понимается не как абстрактные действия анонимных институтов, а как действия конкретных индивидов («папа сказал», «следователь рассказал»).

Как в дальнейшем будет показано, в ее интерпретации общества доминируют действующие субъекты, а не исторические «законы». Понимание Дианой собственной биографии не связано с коллективностью или фатальностью, а ориентировано индивидуально-достижженчески.

Уничтожение ее семьи представляет собой факт биографии, имевший огромные последствия для самоидентификации информантки. Опыт репрессий столь радикален, что она до сих пор четко помнит все происшедшее: «...зимой мы, семья репрессированных, провожали на ссылку их. Как это происходило? Каждую ночь мы собирались на вокзале, ложились на землю, чтобы нас не было видно ночью, и ждали, когда гремят цепи – это выводят арестованных. Когда их сажали в вагоны, мы все начинали кричать имена наших, кого мы пришли проводить. И когда все выкрикнут свои имена, а конвой были русские, то кто-нибудь обязательно из армян, сидящих в вагоне, начинал якобы петь армянскую народную песню и рассказывал, отвечал на крик каждого человека. Понимаете? Ну, к примеру, я кричу: Рубен С-ян! Он поет, что Рубен С-ян еще в тюрьме, ждет решения, или Рубена уже отправили, или его отправят завтра. И все это с такими переливами – поет армянскую песню. И вот так мы ходили, и я прозевала своего отца» (2).

Арестованные армяне общались с молодой Дианой посредством армянских песен. И сегодня Диана связывает с армянскими песнями этот переломный момент биографии.

Одновременно пение указывает на этничность. Пение, таким образом, этнически окрашивает биографическое потрясение. Позже Диана становится успешной певицей, и этот опыт является конституирующими для ее двойственного понимания профессии как ремесла и как призыва.

Обстоятельства прибытия в Ленинград. Со смертью родителей для Дианы начался период общественного падения. Арест отца (1942) и печать «дочери врага народа» представляются судьбоносными моментами в ее жизни: «Я с детства принимала участие в разных конкурсах, фестивалях и всегда занимала первые места... И вот, когда я однажды... везли меня как человека, занявшего первое

место, на фестиваль в Киев <...> подошел человек в черном костюме и спрашивает: кто здесь Диана С-ян? Я встала такая довольная, что я лауреатка... Он мне говорит: а ну выйди! Я вышла, поезд ушел, я осталась на вокзале, и этот человек сказал: куда ты лезешь, дочка врага? – нет, “дочка шпиона”. И, вы знаете, вот живу я на свете долго, как вы понимаете, разные были периоды в моей жизни, но как только постигает меня неудача, унижение, неприятность, я всегда ощущаю себя вот этой девочкой на вокзале... » (2).

После смерти родителей информантка живет с сестрой, которая на два года старше ее, так как остальная родня все контакты с ней оборвала. Все их избегают, и они страдают от одиночества. Нормальные социальные связи невозможны. В этой ситуации Диана решает переехать в Ленинград, что и делает в 1949 году. Она подчеркивает, что смена места жительства была мотивирована тяжелыми условиями ереванской жизни.

Ее приезд в Ленинград был вынужденным, однако смена социального окружения воспринималась как освобождение. Тогда как в Армении окружение было настроено к ней враждебно, здесь были люди, которые знали и ценили ее достоинства. Она вновь связывает ход своей биографии с действиями конкретных людей, в этот раз уже позитивно. Однако интеграция сначала протекала сложно. Она «совершенно не уверена» в себе, так как она «не говорит по-русски»⁷ (2).

Кроме того, ей «было безумно трудно <...> – холод, к которому я не привыкла. Мне трудно было еще и потому, что я была очень плохо одета, у меня не в чем было ходить» (5, 6). Она пытается устроиться «культработником», что ей не удается из-за плохого знания языка. Поэтому она подрабатывает моделью в Академии Художеств, испытывает трудности с жильем.

Как-то ночью ее подобрали милиционеры, подумали, что она алкоголичка, и взяли под стражу: «Начальник милиции мне говорит: что ты там делаешь? Я говорю: сплю. “А почему?” Я говорю: я пою <...> сегодня я поступаю в Консерваторию. <...> Вот этот человек сразу мне поверил, дал мне пять рублей и сказал: сейчас

⁷ В момент интервью Диана говорит на хорошем русском языке, без акцента. Видимо, это связано с ее профессией и является показателем ее общественной интегрированности, хотя она и повторяет неоднократно, что долго говорила по-русски плохо и «это всем очень нравилось, поэтому меня никто не поправлял и я долго говорила плохо» (6).

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

пойдут трамваи. Садись в трамвай, и езжай, езжай кругом, кругом, но каждый раз плати. Когда придет 10 часов – ты пойдешь на свой экзамен. Я в этом трамвае выпалась и пошла на экзамен в Консерваторию» (3).

Как в этом случае, характерным для дальнейшей жизни в Ленинграде мотивом ее биографического Deus ex machina становится неожиданное появление «биографического ассистента(-ки)», который (-ая) узнает о ее талантах и поддерживает ее. «Биографический ассистент» указывает на ее индивидуалистскую версию биографического процесса; жизнь понимается не как естественно заданная судьба, а как череда событий, производимых конкретными людьми.

Профессия, образование. Еще в Армении информантка была ориентирована на то, чтобы стать профессиональной певицей. Она упоминает о своих успехах на конкурсах песни и в радиовыступлениях в качестве солистки армянского детского хора.

В Ленинграде она поступает в Консерваторию. В этой части ее жизнеописания появляется еще один биографический ассистент, который поддерживает ее финансово: «Для того, чтобы заработать... вот, когда я поступила в Консерваторию (я даже стипендии не получила, потому что при поступлении я не могла сдать русский язык)... И только благодаря тому, что Серебряков... Павел Серебряков был изумительный человек, он мне из своего кармана каждый месяц платил 30 рублей. А стипендия была 26 рублей. Он мне каждый месяц платил 30 рублей из своего кармана, пока <...> через полгода я не стала отличницей. Я получила сталинскую стипендию» (5).

Из последних фраз видно, что благодаря собственным усилиям и помощи биографических ассистентов она наконец-то добивается долгожданного признания. У Дианы формируется самосознание преуспевающего человека. Перед нами предстает образ артистки, которая «заслужила» свой успех.

Диана с гордостью упоминает о своем звании Заслуженной артистки Армении, так как она «была во всех деревнях, в каждом колхозе, выступала по всей республике» (7). Это указывает на этнические компоненты в профессиональной идентичности. На концертах она хочет проявить свою индивидуальность не только как выдающаяся певица, но и как представительница своего народа. Концерты она воспринимает в том числе и как платформу для реализации своих этнических задач: «Я <...> в своих концертах пою всегда армян-

ские песни, я в своих концертах каждый раз рассказываю об армянах, чтобы люди прониклись к нам нужным отношением, своей фамилией я стараюсь поддерживать, так сказать, марку армян на должностной высоте» (15).

Она видит свою миссию в том, чтобы подчеркивать «национальное достоинство армян». У М. Вебера «профессия» имеет двойное значение промысла и призыва⁸.

Хотя религиозный аспект для Дианы не так важен, к ней приходит понимание ее «национального призыва», которое она видит в том, чтобы быть этнически активной в сфере культуры и развивать армянское песенное наследие.

Язык, религия и этнический образ жизни. Для отца Дианы было важно, чтобы Диана «отлично» владела армянским, поэтому русский язык в их семье был запрещен. Сначала, по прибытии в Ленинград, информантка попадает в тяжелую ситуацию. У нее нет армянского общения, в то же время она «не говорила по-русски».

В 60-е годы ее в первый раз пригласили на встречу в ресторан по поводу 24 апреля⁹: «И вот впервые я пришла туда и увидела много армян, я видела... услышала вот такую чисто армянскую речь, и, вы знаете, совсем другой мир был для меня, потому что я оторвалась очень от... Я в Ереван не ездила, у меня денег не было ездить... Я приехала в Ленинград, и семь лет я не была в Ереване. И тогда я вдруг почувствовала, что в общем-то я здесь не одинока...» (6).

Армянский язык вызывает в ней множество почти забытых воспоминаний о родине. Несмотря на прежнюю тяжелую жизнь в Армении, пробудились в первую очередь приятные чувства. В этом нет никакого противоречия мрачным картинам периода репрессий, так как армянский – это язык родителей, о которых у нее остались лучшие воспоминания. Эмоциональное значение языка выводится из «семейно-исторического сознания» Дианы. Этническая идентич-

⁸ В веберовской «Протестантской этике», помимо прочего: «Совершенно очевидно, что в немецком слове “Beruf” (профессия) и, быть может, еще в большей степени в английском “calling” (профессия, занятие), наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче, и звучит он тем сильнее, чем дальше в каждом конкретном случае подчеркивается это слово» [26, S.66].

⁹ 24 апреля – день памяти жертв геноцида. В 1915 году по приказу турецкого правительства в западной Армении было убито полтора миллиона армян. Ныне этот день является для армян важной опорой их этнической идентичности.

ность сильно связана с родительской семьей и только во вторую очередь – собственно с Арменией.

Сложнее обстоит дело с религиозной идентичностью Дианы. «Мне стыдно признаться, потому что, понимаете, я была и членом КПСС, но если вы зайдете в мою спальню, вы поймете, что я очень религиозный человек. Почему в спальню – потому что там висит все то, что мне необходимо каждое утро, для того чтобы я начинала свой день, и каждую ночь перед сном – чтобы я исповедовалась. Потому что я считаю, что Бог – в душе <...> даже если ты не ходишь в церковь, это не значит, что ты не веришь в Бога. Я вам скажу, что некоторую такую театральность и показуху я как актриса ощущаю и избегаю. Я очень люблю церковь на Невском, я бываю там регулярно, не во время служб, я прихожу туда... мне нужно одиночество, мне нужны... как вам сказать... я и моя совесть. Но это для меня очень сложный вопрос, очень сложно складываются у меня взаимоотношения и с общиной, потому что я сталкиваюсь с непониманием...» (9).

Очевидно, что религия для информантки есть дело «внутреннее». Религиозность – не выражение этнической ориентации на общину, это дело индивида.

В отличие от Армена Р. вырисовывается «ориентированный внутрь» подход к религиозным вопросам. Религиозность Р. неотделима от практической деятельности на благо общин, и служба общине занимает в его жизни важное место. Диана не нуждается в том, чтобы ходить в церковь и быть хорошей христианкой. Религия Армена Р. – в церкви, религия Дианы С. – в душе.

Этническая группа как ресурс. Активизация этнического самосознания является для Дианы стратегией, помогающей добиться общественного признания и эмоциональной стабильности. В первые послевоенные годы эти условия не сложились. Ее муж – неармянин, сын «знает армянский, но говорит – не говорит, так как у него не было абсолютно никакой возможности общения. Когда он был маленьким, еще не было армянской общины» (13). В Консерватории есть «армянские педагоги и студенты, но нет национального объединения» (4). Так что она с удовлетворением восприняла известие о попытках основать армянское общество в Ленинграде. <...> Признание, которое она встречает в общине, придает ей уверенности на фоне потерянной в Армении эмоциональной стабильности. «...Мне как-то позвонили – это было в 70-е годы – два молодых человека,

это были два брата, Рубен Д. и его брат Георгий. И с самого начала они называли меня "текина" Диана – "текина" означает "мадам" по-армянски. И вдруг мне кто-то говорит: "текина Диана!" Короче говоря, я туда пошла. То был очень милый вечер, там были, по существу, одни женщины... сидели, и эти же молодые люди сказали, что они хотят создать армянское общество в Ленинграде. Я сказала: я беру на себя всю работу по культуре. Есть такая Альгida Мирзоян, она работает в Эрмитаже, образованный человек, она сказала, что если мы устроим школу, она берет на себя занятия по армянскому языку. Каждый что-нибудь предложил, Алевтина Михайловна пообещала подарить армянскую библиотеку, каждый что-нибудь...» (8).

Здесь тоже заметно, что для Дианы этнические отношения имеют и эмоциональное значение. Поскольку семья не давала эмоциональной защиты, Диана испытывает потребность в подобной поддержке.

Ввиду семейно-исторической привязки ее понимания этничности роль семьи приписывается ею этнической группе. К тому же в армянской среде она смогла дать волю своему активному отношению к жизни: работа на этническую общину дает ей возможность как развить организаторские способности, так и обеспечить ее эмоциональные потребности.

Опыт дискриминации. Информантка считает дискриминацию чем-то «новым», она жалуется на рост антикавказских настроений в Петербурге в последнее время и объясняет это принципом «козла отпущения», когда вина за выросшие цены возлагается на какую-то этническую группу. Кавказцы держат многие рынки в Петербурге, им-то все и ставят эту ситуацию в вину. Такие обвинения недопустимы, так как деятельность торговцев нужна городу, считает Диана. Кроме того, среди торгующих «не только армяне <...> это не [только] их дело» (11).

Диана налагает ответственность за поиск «козла отпущения» на советскую систему, которая всегда стремилась выявить «виновных» в общественных неурядицах: «Так нас учила система, что кто-то враг, кто-то виновен... Это советская система выдумала искать врагов и на них сгружать все свои неудачи» (11).

«Лично» Диана не имеет опыта дискриминации. И все же она заключает: «Правда, меня несколько раз выдвигали на звание Заслуженной артистки России, и я знала, что там, наверху, говори-

ли: "У нас что, нет русских?", – и мои документы возвращались. Я знаю об этом, о том, что из-за этих людей наверху я не получила до сих пор это звание» (11).

Это необычный для Дианы пассаж. В противоположность другим событиям, где она подчеркивает роль конкретных людей («биографических ассистентов»), здесь она обвиняет анонимную группу («эти люди наверху»). Такой механизм объяснения несбыившихся ожиданий в карьере типичен для Армена Р. Таким образом, когда наблюдается неудовлетворенность ходом профессиональной карьеры, индивидуальное отношение к биографии часто уходит на задний план. Проявляется связь между профессиональным успехом, индивидуалистским взглядом на мир и этническим сознанием. Неудачи описываются в основном через призму коллектиivistского сознания, успехи же воспринимаются как результаты собственных усилий.

Опыт трансформации. Диана упоминает, что она была членом КПСС. Ей удалось добиться сочетания господствующей советской идеологии с ее собственной этнической ориентацией: «Я хочу сказать, что мы очень гордились "национальной политикой Ленина"! Это вело к тому, что мы не отличали, кто к какой национальности принадлежит. Возможно, это тоже было ни к чему. Ведь в душе человека всегда остается его национальность» (13).

Глядя ретроспективно, она оценивает этническое сознание как более важное, чем принадлежность к партии, которой она нынче «стыдится» (9). Можно предположить, что информантка находилась в согласии с политической системой, из чего следует, что процесс общественных перемен вызвал и изменение ее политической идентичности.

Диана упоминает, что она была выставлена кандидатом на первых свободных парламентских выборах в России (1989 г.). Но она сняла свою кандидатуру после того, как на одной из встреч ее кто-то спросил: «Как ты, нерусская, собираешься восстановить русскую культуру?» (16).

С одной стороны, очевидна ее активная позиция, которая выразилась в быстром принятии демократических возможностей новой системы. С другой стороны, она должна преодолевать новую возникающую дискриминацию. Снятие кандидатуры свидетельствует о хрупкости ее идентичности ввиду «комплекса врага народа», разрушения прежнего соглашения с системой, личных проблем в процессе трансформации общества.

Трудное экономическое положение еще более ухудшает ее оценку текущей ситуации: «Мы живем очень плохо. А плохой экономический базис – это и разрушение морали. Эти же люди, которые сейчас ругают кавказцев, – какими они были во время блокады, как они помогали друг другу, эта доброта... сейчас ничего нет. Потому что они <...> верили в это и поэтому все это сделали, и что они получили? Они получили только еще худшую блокаду!» (11).

Диана чувствует кризис, как материальный, так духовный упадок. Переходный период воспринимается ею как ограничение деятельности возможностей, что ведет к исчезновению таких человеческих ценностей, как солидарность и взаимопомощь. Сравнение с фашистской блокадой («еще более худшая блокада») иллюстрирует степень разрыва жизненного мира, кризис воспринимается как угроза существованию.

На фоне новых проблем Диана теряет привычный оптимистический настрой. Ее нынешняя ситуация отражает некоторую растерянность: «Понимаете, я думаю: если у нас все свинется с мертвоточки, если наша экономика опять выйдет на уровень, где старый человек не будет смотреть на булочку и размышлять, можно ли купить четвертинку?.. Люди должны исправиться и не ругать какую-либо нацию, будь то евреи или кавказцы» (11).

Диана дает понять, что она считает жертвами современного кризиса в России прежде всего стариков. Ее взгляд на мир выражает чувство отсутствия перспективы, в основном из-за наступившей старости и, в меньшей степени, из-за ощущаемой ею общей безысходности ситуации в обществе. Если после войны, благодаря смене жизненной обстановки, она смогла обеспечить себе стабильное существование, то теперь по причине ее преклонного возраста эта возможность отпадает.

В конце жизни она в состоянии расстаться с прежними советскими верованиями, но полностью переделать себя («начать сначала») уже невозможно.

Это звучит в резюмирующей фразе, где она констатирует, что «боль сидит очень глубоко» (16).

Однако информантка вовсе не отвечает на этот вызов желанием вернуться к прежней ясности коммунистической веры. Не желает она обвинять в кризисе и какие-либо общественные группы. Ее недовольство не превращается в обвинения общего характера.

Итак, к переменам в российском обществе Диана относится неоднозначно. Они воспринимаются не как целостная трансформация,

а, скорее, как различные, частично противоречивые процессы развития, по-разному влияющие на ее жизненный мир.

Обобщенное представление об этничности. Выше был приведен отрывок из воспоминаний информантки о том, как арестованные армяне пели о судьбе ее отца. Этот отрывок проясняет связь между опытом гонений, профессиональной идентичностью и этнической ориентацией в сознании Дианы. Ниже уточняется роль этничности как основы личностной идентичности в целом.

Она чувствует особую связь с городом, где обрела общественное признание: «Я обожаю Ленинград» (14). Чувства, которые она испытывает к Ленинграду, являются показателями ее биографического «восстановления». Здесь она ощущает уважение к своим достижениям как певицы и как армянки. Она объясняет это так: «У меня, еще раз повторяю, в городе определенный статус» (9). Ее ленинградский патриотизм есть как выражение достигнутого социального статуса, так и показатель значимости этого места для конструирования биографии.

Диана чувствует сильную связь и с армянской родиной. Народ (нация), занимает в ее представлении о мире важное место. Индивид воспринимается не столько как рефлексивное существо, сколько как «внитко» этнической системы.

Картина мира информантки этноцентрична:

«Я создана этим народом, я стараюсь быть маленькой каплей, но достойной своей нации. Я несу некоторую ответственность, везде я себя так чувствую, никогда не было такого, чтобы я забыла <...> Это национальное достоинство у меня сильно развито, сильно» (10).

Таким образом, чувствуя «некоторую ответственность» за свой народ и думая о своем поведении по отношению к другим, она сознательно берет на себя национальную «роль». Ее взаимодействие с обществом принимает характер «сценической постановки» в этнической «труппе» и напоминает о ее призвании как армянской певице.

Аналитическое заключение. В заключение можно сказать, что на фоне опыта гонений этническое сознание Дианы опосредовано прежде всего историей семьи, тогда как профессиональная ориентация на успех, как и значительная роль биографических ассистентов, направлена на индивидуальное понимание биографии.

Этническая община выполняет роль «заменителя семьи». Противопоставление трагедии и успеха в изложении информанткой собственной биографии нужным образом освещает личные достижения Дианы.

В двойственном понимании ею профессии объединены этническая ориентация и достижительская стратегия. В ее этническое сознание «вписаны» профессиональная ориентация и биографические травмы.

Случай 3. Леон П.: «этнический дальтоник»

Основы биографии. Леон родился в 1939 году в Ленинграде. Его предки, влиятельный род из Закавказья, за два поколения до него прибыли в Санкт-Петербург. Судьба русского отца информанта неизвестна. Леон, будучи еще ребенком, усыновлен своим армянским дедом и воспитывался им и матерью-армянкой. В Ленинграде Леон ходит в школу, изучает физику и делает карьеру ученого. Он женат на русской, имеет дочь и внучку.

Род, семья и этничность. Предки Леона принадлежали к «очень известному роду» (1) Арутюнянских-Долгоруковых. За редким исключением, все они были армянами: «там, может быть, какие-то примеси крови и были..» (2). Происхождение фамилии семейная легенда связывает с прародительницей, который использовал ее как псевдоним. Его сыновья приехали в Санкт-Петербург, чтобы учиться медицине, и стали позже «известными в Тифлисе врачами» (2). Три сына из следующего поколения тоже учились в Петербурге: «И остались жить здесь, хотя не потеряли связей...» (2). Несомненно то, что для Леона важны семейные предания. Во взгляде на прошлое проявляется, как и у Дианы С., сильное «семейно-историческое сознание».

Как до, так и после революции представители семьи занимали значимые позиции в обществе. Дед информанта достиг большого успеха в науке. Когда Леон родился, тот «был уже директором трех институтов, вице-президентом Академии наук» (3). Можно сказать, что Леон родился в профессионально успешном окружении, на котором остался отпечаток множества культурных влияний.

То, что Леон по паспорту армянин, получилось необычным образом: «У меня все очень сложно, потому что по паспорту у меня и отец и мать армяне, но за счет того, что я был усыновлен собст-

венным дедом, и поэтому вот эта паспортная ситуация, она не соответствует реальной действительности, а отца моего я никогда не знал (и он русский) – физического отца. И поэтому фактически кровь у меня смешанная. Хотя вот по паспортным данным я как раз чистый армянин» (1).

Об обстоятельствах усыновления, как и о своем физическом отце, он сообщает одинаково мало. Однако очевидно, что Леону сложно себя идентифицировать в привычных этнических понятиях. Он различает формальную и реальную сторону «армянскости». Так, его «кровь смешана», хотя по паспорту оба родителя – армяне. Эти трудности категориального самоопределения осложняют построение «чистой» этнической идентичности.

Леон растет у деда, в этнически толерантной среде общения которого можно встретить представителей многих национальностей. Оказавшие влияние на Леона в детстве культурные образцы продолжают быть значимыми по сей день: «Ну, в какой-то мере это есть наследство от родителей, потому что <...> был армянский круг, и опять-таки, подчеркиваю, он не замкнуто армянский, там было много евреев, там было много грузин, и этот круг я получил по наследству, и та часть, армянская часть из этого круга, она продолжает быть моим кругом теперь...» (6).

Особенности круга общения в детстве формируют представление об этнических различиях еще до школы. В отличие от Армена Р. и Дианы С., семейная социализация Леона не связана с этническим кодированием («незамкнутый армянский круг»). Наоборот, этнические категории утрачивают свою однозначность и с трудом могут быть использованы для описания социальной реальности. О националистических представлениях он узнает только вне семейного контекста, например, в школе: «Я вообще... с понятием какого-нибудь национализма и вообще с национальными проблемами познакомился, пожалуй, в каких-то средних классах школы, я до 5–6-го класса как-то и не знал и не думал, что существуют люди других... разных национальностей. Я сидел вот в первом классе рядом с армянским мальчиком, а потом с еврейским мальчиком. И мы с этим еврейским мальчиком были большими друзьями, мы так... до конца школы... это лучший мой друг был, погиб, к сожалению, очень рано» (4).

В первый раз Леон столкнулся с существованием в какой-то мере изолированных этнических групп, когда ему сказали, что его друг не может позволить себе плохих оценок, так как «ведь он еврей» (4).

Он узнает, что жизненная карьера его друга зависит от его принадлежности к евреям. То, какое значение придает информант дружбе с еврейским мальчиком, свидетельствует, что он оказался невосприимчивым к распространенным установкам. Публичные институты социализации не сумели укрепить этнические границы в сознании Леона, так как он был особенно привязан к системе ценностей семьи.

Профессия и образование. Еще ребенком он знакомится с миром науки и впоследствии становится ученым. Предложение «собственной лаборатории в Сухуми» было для Леона «очень престижным». Однако он не соглашается на это предложение, чтобы остаться в Ленинграде. Сейчас Леон – заместитель директора крупного академического института в Санкт-Петербурге. Профессиональный успех подпитывается соответствующим «индивидуалистическим» мировоззрением, что проявляется в следующем высказывании: «я и говорю, что я верю в возможности и в очень большие возможности человека. Если он хочет...» (7).

Как и Диана С., Леон не объясняет свои удачи и промахи судьбой. Он активен и самостоятельно управляет биографическим процессом. Так, он не приписывает свой успех этническому коллективу, а осознает его как свое собственное достижение. Соответственно, его мировоззрение определяется индивидуальным отношением к биографии.

Семья. Свою жену (русскую) Леон описывает как личность, открытую для восприятия различных этнических традиций. Это имеет «игровой экспериментальный» характер; принятие этнического образа жизни не является конституирующими элементом для формирования идентичности. Кроме того, рассказывая о своей жене, Леон очевидно намекает на определенное совпадение их взглядов: «это заслуга моей жены, которая очень любит кавказскую кухню и всячески следует ее традициям и все это готовит и делает, и любит, но никто из нас не делает разницы между тем, блюдо это армянское или это грузинское» (9). Можно предположить, что информанту трудно различать национальные кухни вследствие «этнического дальтонизма». Эта «слабость зрения» указывает на мультикультурные установки Леона. Он легко воспринимает новые культурные влияния и интегрирует их в семейную жизнь, не понимая их как основание новой идентичности.

Дочь Леона П. должна учить скорее английский или французский, нежели армянский. Это отражает приоритеты, которые информант отдает западно-ориентированному образованию перед традиционным армянским. Его установка на будущее связана с международным образованием, а не с заботой об армянских корнях. Предпочтение отдается не языку предков, а языку экономики и науки.

Язык, религия и этнический образ жизни. Вследствие слабой ориентации на этническую группу Леон не придает владению армянским языком большого значения: «... у меня даже был период, когда я попытался заняться языком, но у меня нет ни сил, ни времени, ни возможности, и... Но я понимаю, что не языком я привязан к Армении, и поэтому я спокойно общаюсь по-русски, если надо, – по-английски с теми армянами, с которыми мне приходится общаться, – ничего, прощают» (9).

Может быть, раньше этническая ориентация Леона была более четко выражена. Сегодня он почти с удивлением констатирует такую ориентацию в прошлом (обратите внимание на слово «даже» в последней цитате). Незнание языка им не воспринимается как дефицит («ничего, прощают»), и очевидно, что армян, которые не знают ни русского, ни английского, он воспринимает так же, как и других иностранцев. Он видит прежде всего индивидуальные особенности, независимо от национальности, не определяя ситуацию взаимодействия через приписывание человека к какой-либо этнической группе.

Его религиозные представления также дистанцированы от армянской общины. Как-то его пригласил к себе католикос: «Я очень жалею, я однажды не пошел, меня приглашал католикос, но я слышал, что он категорически только по-армянски говорит, я не пошел, потому что мне было неудобно. А теперь я жалею, что не пошел, потому что... я не сомневаюсь, что он говорил бы со мной по-русски или по-английски, ну, я не знаю, нашел бы способ поговорить, и я не думаю, что отсутствие языка есть причина... тем более, что я был приглашен. Но вот, я не пошел, теперь жалею» (9).

Подобный визит был бы мотивирован скорее любопытством, чем религиозными или этническими причинами. Возможно, неоднократно выраженные сожаления об отказе от приглашения связаны с возрастным значением армянской общины в жизненном мире информанта. Ясно, что незнание армянского языка препятствует свободе общения в армянской среде.

Другая причина его дистанцирования от армянской церкви – слабая религиозная ориентация. На вопрос, религиозен ли он, информант отвечает: «Нет. Вот мне рассказывали – не знаю, правда ли это, – рассказывали про нашего католикоса, того Вазгена, который умер не так давно, что одна очень верующая женщина осталась с ним наедине, чтобы, ну... исповедоваться, ну, вот, чтоб никто не мешал, и задала ему вопрос, верит ли он в Бога. Он надолго задумался и ответил, что он верит в свою миссию. Так вот, если католикос не отвечает прямо на вопрос, верит ли он в Бога, значит, вопрос очень сложный, потому что каждый под этим понимает что-то свое, каждый имеет внутри себя какого-то своего бога, и этот бог не обязательно должен быть персонализирован в виде конкретной фигуры» (7).

Ссылка на духовного пастыря в собственной аргументации приводится менее всего потому, что Леон ожидает от церкви религиозного руководства. Информант таким образом пытается противопоставить свою позицию позиции окружения. Защитный стиль аргументации является скорее реакцией на распространенную среди петербургских армян сильную религиозную ориентацию.

Как и у Дианы С., у Леона П. присутствует индивидуализированное понимание религии. И Бог не универсален, и религиозность может существовать вне общин. Напротив, у каждого «есть свой Бог». Таким образом, индивидуальное отношение к биографии и описанная система ценностей находят свое выражение в индивидуализированном понимании Бога.

Этническая группа как ресурс. В отличие от части своих родственников, Леон П. долгое время относится к попыткам организации армянской общины пассивно: «Я был очень пассивен, у меня никогда не было времени, не было желания» (6). Общение на армянском языке для него малозначимо, церковь не важна ему ни с точки зрения общественного опыта, ни с точки зрения религиозного руководства.

Несмотря на это, в последнее время он начинает участвовать в делах общинны. Правда, эта активность не имеет ни религиозного, ни национально-политического обоснования. Скорее он имеет в виду конкретную программу помощи, которая носит просветительско-альtruистический характер: «Ну, я не знаю, я верю в добро, верю в то, что добро надо делать. Вот мой бог, и... в то, что надо жить для окружающих. Ну, вот в этом смысле я тоже верю в свою мис-

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

сию, и в этом смысле у меня тоже есть вера, понимаете, только вера не в существование какого-то... высшего начала, а вера в справедливость и в правильность своего поведения, скажем так» (7).

Здесь его религиозные воззрения уточнены: речь идет не о вере в высшее существо, а о следовании нравственным нормам. Он вновь пытается сообщить интервьюеру это – по существу, атеистическое – представление, по возможности в «мягкой» упаковке. Он прерывает мысль, в которой, вероятно, намеревался выразить то, что он не верит в существование Бога, и заканчивает совсем неопределенным высказыванием (некое «начало»). Конец цитаты («скажем так») показывает, что Леон осторожно взвешивает свои слова, чтобы не вступить в конфликт с собеседником. Он связывает востребуемые ценности «справедливость, правильность поведения» с «верой» в них, пытаясь создать понятийную общность собственной атеистической системы ценностей и христианства.

Почему Леон П. тратит столько усилий на конструирование такой общности? Он понимает армянскую общину в первую очередь как источник «взаимопомощи» в «конкретных акциях»; община – хорошая база для солидарной деятельности. Речь идет не о реализации узкополитических целей: «Я очень далек от нынешней политической кухни» (16), – а об оказании конкретной помощи: «Людей надо поддерживать. Стариков, слабых, больных надо где-то сдерживать... в домах престарелых или еще где-нибудь» (8). Поскольку старые институционально обеспеченные формы деятельности отброшены и поскольку часть его окружения поддерживает хорошие связи со священником армянской церкви в Петербурге, Леон обращается за поддержкой своих инициатив к церкви. После поездки в Армению, где он воочию увидел серьезность кризиса, он решает действовать.

Леон основывает фонд для «организации поддержки культурных и научных связей между нашими республиками» (6), что «приветствуется и поддерживается церковью» (7). Для реализации этой идеи ему нужна помочь церковных активистов, поэтому он стремится ослабить степень мировоззренческих различий. Попытка уйти от выяснения таких различий – это не сознательный обманной маневр, а попытка поддержать свою деятельность, достигая взаимопонимания с церковью.

Информант учитывает сильное идеологическое влияние армянской общинны на ее членов. И все-таки он использует созданную во-

круг церкви этническую сеть для того, чтобы реализовать свои в широком смысле политico-гуманистические цели.

Опыт дискриминации. Информант чувствителен к огрубевшему климату российского общества. Однако Леон отвергает предположение, что он должен был бы страдать от этнической дискриминации, обосновывая это тем, что его «круг общения ограничивается сейчас Академией наук» (13). Это является для него доказательством того, что русская интеллигенция позитивно настроена по отношению к армянам, так что армянская фамилия ему скорее помогает: «Может быть, что она мне даже как-то помогла, в старые времена, когда думали, что должны выполняться процентные нормы и что в руководящих штабах обязательно должны присутствовать представители различных национальностей. «Ух ты, как здорово, у нас есть армянин!»» (14).

Хотя он относит это высказывание к «старым временам», но и сегодня не испытывает каких-либо неудобств из-за своей национальной принадлежности.

Все же вне среды интеллигенции Леон замечает растущие антикавказские настроения. Он демонстрирует озабоченность по поводу этнической и религиозной дискриминации. То, что он не испытывает этой дискриминации на себе, Леон объясняет статусом интеллигента и тем, что русские особенно доброжелательно относятся к армянам.

Опыт трансформации. К началу перестройки Леон П. – преусспевающий ученый, за его спиной гладкий профессиональный путь. Сложно оценить его отношение к советской идеологии. Сегодня же он говорит, что «очень далек от нынешней политической кухни» (16). Демонстративно аполитичная позиция Леона может указывать на то, что его отношение к советской системе было pragmatically нейтральным или доброжелательным. В любом случае он не проявляет никакого политического радикализма.

Информант чувствителен к переменам, происходящим в российском обществе. Он выражает не только недовольство ухудшением своей собственной жизни, но и вообще возмущается по поводу утраты прежних возможностей развития в России. Высказывается как опасение по поводу роста экономической незащищенности, так и моральное негодование: «Теперь каждая поездка туда [в Армению] – целая проблема, трудно поверить, какая это проблема» (12).

Утрата прежних возможностей сильно ухудшает условия деятельности ученого, обесценивает договорные обязательства. Поскольку Леон зависим от государственных субсидий, его собственное материальное положение осложняется.

И все же было бы явной ошибкой исходить из того, что ситуация для информанта «безысходна».

Во-первых, у него за спиной гладкая карьера и должность, доход от которой, по крайней мере, позволяет прожить. Во-вторых, признаком относительного благополучия является его деятельность в инициированном им «фонде». Взятая им на себя роль помогающего другим сводит на нет представление о нем как о жертве социальных изменений.

Обобщенное представление об этничности. Этническая идентичность Леона П. часто трудноинтерпретируется. Нижеследующая цитата подтверждает признание им своего армянского происхождения: «Я – армянин, потому что род мой – армянский» (5). Однако это высказывание следует рассматривать в совокупности со следующими далее. Упоминание грузин и «прочих» раскрывает незамкнутый характер его армянского самосознания: «Но мне интересны и грузины, и не меньше армян. Понимаете ли, да... я никоим образом не пренижжаю прочих» (5). Информант объясняет, что он любит «Армению и Ереван» и обосновывает это «несколькими путешествиями по армянским горам», которые доставили ему «большое удовольствие» (5). Но его родина «конечно, Ленинград, так как это особенное место в России, и я ни при каких обстоятельствах не был бы москвичом. <...> Армения – родина предков, да, можно так сказать» (10). Его особая привязанность к Ленинграду видна хотя бы из уже упомянутого отказа от перспективной работы в Сухуми. Неудивительно, что он не собирается эмигрировать в Армению, хотя и был там «не меньше десяти раз» (10). «У меня нет [там. – И.А.] близких друзей, нет таких... крепких связей» (14).

Показателен также ответ на вопрос, что значит для него быть армянином: «Знаете ли... моя фамилия означает для меня большую честь и совсем не простую обязанность... я чувствую не то чтобы давление, а скорее ответственность за то, что я представляю этот род, ношу это имя, и примерно так я отношусь к национальности. Я горд этим и опять-таки чувствую ответственность за это и по этой причине я чувствую некую обязанность что-то делать в связи с этим» (10).

Для Леона в первую очередь важно не этническое объединение, а семья, история его знаменитой фамилии. Он говорит, что ему присуще «внимание к памяти предков, внимание к... целостности народа» (10). Упоминание предков и народа отражает тот факт, что этническое сознание выводится информантом из истории семьи, поэтому национальному объединению приписывается подчиненная роль.

Мировоззрение Леона П. не связано с биологическим либо культурным пониманием этничности, а конструируется скорее в ходе «свободной обработки» культурного наследия «армянского народа». Это сочетается с видением различий как среди армян, так и среди русских. Он считает, что «среди армян существует несколько этнических типов. Они совсем не гомогенны» (13). Русские – прежде всего интеллигенция – очень хорошо относятся к армянам, однако в русском деловом мире это отношение стало «несколько более презрительным» (13). Информант видит людей в первую очередь не как представителей этнической группы, а как обладателей определенного социального статуса (вспомним стремление совместить этничность и статус у Армена Р.).

Стремление к социальному подъему и профессиональному успеху связано у Леона П. с космополитической ориентацией. Он считает себя «интернационалистом» (4). Леон не приемлет националистической зашоренности: «такого... национализма во мне абсолютно нет» (5); он предпочитает универсально-гуманистический взгляд. Информант подчеркивает, что, конечно, ощущает некоторое чувство привязанности к Армении, однако при этом оно не инстинктивно, а рационально: «Я бы сказал, что это идет все же больше от сознания, чем от... каких-то животных эмоций» (10).

Аналитическое заключение. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что результатом семейной социализации информанта стал «этнический дальтонизм». Способность «видеть» этнические различия заменяет «семейно-историческое сознание», где этничность хотя и присутствует, однако играет второстепенную роль. Леону П. сложно точно указать его этническую принадлежность. На фоне успешной профессиональной карьеры он воспринимает свою биографию с позиции индивидуалистического мировоззрения. Кризисные явления в России и Армении подтолкнули его к решению стать социально активным. В поисках поддержки своих инициатив информант обращается через родственное окружение к армянской церкви. Поскольку он не религиозен, Леон пытается «скрыть» миро-

воззренческие различия и добиться общности на основе универсально-гуманистической системы ценностей. В пространственном смысле петербургское окружение Леона П. занимает для него место «армянской родины».

Резюме

В первую очередь я хотел бы отметить то, что рассмотренные случаи отражают типичные биографии петербургских армян. В качестве следующего шага я рискну сделать обобщения по поводу положения армянского меньшинства в Санкт-Петербурге.

Притязания на то, чтобы сделать репрезентативный «слепок» общественной жизни в данном случае невыполнимы по причинам малой величины выборочной совокупности и способа отбора респондентов. Автор и неставил такой задачи. Здесь можно сослаться на Bude [5, S.109], который справедливо указал, что познать социальные законы невозможно, «если регистрировать частотность, но только если исследовать внутреннюю связь феномена». Соответственно в биографиях Р., С. и П. отражены «типичные» схемы ориентаций и правила конструирования, которые связаны с различиями в содержании этничности и биографии, и с различиями во внутренних связях.

В социобиографическом подходе Р. отчетливы следы длительных напряженных отношений с окружающим его обществом. Сложность его биографических переживаний выражается в «формировании общих биографических рамок» [22, S.124], что уменьшает возможности собственного вмешательства в течение жизни. История информанта не содержит «представления о жизни как о принципиально поддающемся воздействию пути, за который ты ответствен сам» [6, S.229], она мыслится как управляемая извне окружающим обществом.

Биография воспринимается фаталистично, а индивидуальная жизнь мыслится как «игрушка» [11, S.452] историко-генетических законов, хотя защищенность и стабильность может быть найдена в этническом мире.

Рассматриваемый пример биографической перспективы восходит к приобретенным в детстве традиционным отношениям и коллективной ориентации («этническое кодирование»). Ответом на нестабильность, порожденную трениями с реалиями общества и неудав-

шимся профессиональным ростом, стало усиление культивировавшихся в прежнем традиционном жизненном мире ориентационных образцов.

Тяжелый, с точки зрения идентичности, опыт миграции ведет не к ниспровержению прежних подходов, а к репродуцированию имеющихся образцов интерпретации, к «консервативной трансформации» [9, S.240].

Этническая схема ориентации предлагает возможность биографического объяснения для совладания с прошлым и настоящим. На фоне полученной на протяжении трудного жизненного пути способности адаптироваться к социальным трудностям обусловленный трансформацией общества разрыв институционально закрепленного «режима жизни» [14] воспринимается в первую очередь как расширение спектра возможностей.

Случай С., наоборот, показывает, что выход из противоречий с господствующими общественными отношениями надо искать не в биографически усиленных и прочно закрепленных формах идентичности (как у Р.), что имеет следствием сузившееся «поле внимания к ориентациям деятельности» [22, S.99]. Он демонстрирует скорее пересечение современного и традиционного подхода, где этническая схема связана с ориентацией на индивидуальные достижения¹⁰.

Этот образец взгляда на мир, который отличает С. как представительницу и процесса модернизации и традиционного поведения, необходимо оценивать на фоне двух неравнозначных кризисов. С. ощущает себя поставленной перед необходимостью переопределить идентичность: во-первых, ввиду опыта преследования в ходе сталинских репрессий, во-вторых, ввиду перелома общественной ситуации в годы перестройки. Оба «жизненных явления» [9] имели следствием частичное изменение отношения к государству и обществу: после того, как в Ленинграде она смогла преодолеть клеймо «врага народа», С. вступила в партию и сделала карьеру.

Однако с началом горбачевских реформ она активно воспринимает новые демократические возможности. В обеих кризисных си-

¹⁰ Сомнительно, что на российское общество распространяется тезис Энгельхардта о том, что женщины «кописывают историю своей жизни как часть мы-истории, как историю родительской и своей собственной семьи» [7, S.18]. Для женщин жизнь есть «также и судьба» [7, S.19]. На основании использованного материала напрашивается вывод, что сильная включенность в профессиональную связь в социалистических странах, вероятно, наложила отпечаток на отношение между «мы-» и «я-историей» у женщин.

туациях мы наблюдаем элементы активного социального поведения, которое отличает индивидуалистски-ориентированную информантку [27]. Это подтверждается экспрессивной «я»-центрированной формой представления сведений: «...люди, на чьих биографиях отпечатался процесс модернизации, вырабатывают “я-историю” существенно более выразительно» [7, S.17].

У П. биографическая защищенность связана с универсальной космополитической идентичностью. Он родился и сделал карьеру ученого в Ленинграде. Ему без больших проблем удается приспособиться к требованиям бюрократической советской системы, что выражается в стабильном и успешном жизненном пути. Переход из одной исторической ситуации в другую выглядит как восходящая кривая, как появление нового «поля возможностей для деятельности и развития социального единства» [22, S.91].

Институционально обусловленная стабильность биографического пути указывает на увеличивающуюся стандартизацию жизненных путей и на логику «институционализации жизненного пути» [13]. Так, хронологизирование событий в биографии способствует жесткости «режима жизни» [13], т.е. институциональному закреплению последовательности биографических событий.

Благодаря акцентированию при жизнеописании на профессии и на связанных с ней достижениях П. как носителю модернизационного сознания всегда легче воспринимать современные дискуссии [3; 14; 17; 27]. Как представитель высоконституционализированной «нормальной биографии», он является одним из образцов «западного» характера.

Изложение этих трех случаев помогает понять, что этничность может принимать различные образы. Кроме того, видно, что понимание этничности обретает убедительную и действенную форму только в соотношении с общими процессами сознания, схемами ориентации и формированием общих биографических рамок. Благодаря «взгляду изнутри» этничность теряет свой объективный и стабильный, с точки зрения наблюдателя, характер. Появляется возможность рассмотреть явление как изменчивое и субъективно сформированное. Рассмотрение процесса возникновения этнического сознания на микроуровне отражает переплетение структурного давления со стратегиями совладания с ситуацией: этничность определяется как интерактивно опосредованный политический конструкт.

Далее автор предлагает суждения, которые исходят из логики единичного случая, то есть суждения об общем социальном опыте

армянского меньшинства в Санкт-Петербурге на базе обобщения материалов интервью. Выделим четыре области выводов. Во-первых, этническое сознание понимается в биографической перспективе как гетерогенный феномен. Множественный характер этнической идентичности есть результат комплексности биографических переживаний. Во-вторых, только по отношению к другим ориентациям, таким, например, как профессия или семья, становится ясной значимость этнического сознания. Все эти установки рождают сложное «переплетение ориентаций». В-третьих, развитие этнического сознания осуществляется в семейно-исторических рамках, которые у многих людей простираются далеко в прошлое, часто ощущаются еще влияния досоветского времени. В-четвертых, исследуется отношение к нынешней трансформации российского общества.

Гетерогенность этничности. Анализ материала показывает, что феномен этнического сознания охватывает, как правило, множество идентификационных связей (*multiply identity*) [25; 24]. Так, самосознание горожанина стоит в одном ряду с национальной принадлежностью, ориентация на общину – рядом с преданностью городу. Собранный материал демонстрирует, что для многих Ленинград–Санкт-Петербург находится в важной связи с их жизненным миром. Даже те, кто сильно привязан к Армении, но одновременно нашел свое место в городе, склонны к локальному патриотизму. Этнически конституированная потребность в эмоциональной связи с территорией, где живешь или откуда ты родом, как раз у национально ориентированных армян, как правило, распространяется на новое место жизни по прибытии в Ленинград.

Переплетения этнического сознания с другими схемами ориентаций. Этническое сознание – это элемент совокупности общих схем ориентации. Оно не является необходимым элементом идентичности; иногда универсальные доминирующие ориентационные схемы полностью вытесняют этническую идентичность.

Так, среди опрошенных были бизнесмены, у которых профессиональные и этнические установки пересекаются. Они могут использовать этнически организованную сеть как ресурс надежной и дешевой рабочей силы.

Могут быть связаны с этническими и политическими ориентациями. Этническая группа предлагает поле для политической деятельности

(Армен Р.), интерактивного саморазвития (Диана С.) или альтруистически мотивированной помощи (Леон П.).

У других опрошенных связь национальных установок с демократическими выражена еще четче. Некоторые диссиденты, например, предпочитали в советское время этнически конституированные неформальные организации (сети), так как это помогало избегать вмешательства государства. Однако такие случаи показывают, что демократическое и этническое движение в последнее время вновь разделились.

Присутствие семейно-исторического прошлого. И сегодня советское и досоветское прошлое еще значимы для многих представителей армянского меньшинства в Санкт-Петербурге. При реконструкции биографии используются события из истории семьи, которые находятся далеко за горизонтом личного опыта. Все опрошенные смогли что-то сообщить о влиянии на них бабушек и дедушек, у многих взгляд простирался существенно дальше в прошлое. Живы воспоминания о годах досоветской Армении (геноцид, Первая мировая война, движение за независимость). Это означает, что тезис У.Бека об индивидуализации, о «вечном настоящем»¹¹ не касается исследуемой здесь группы.

Очевидно, что в советское время доминирующий опыт социализации многих молодых людей носил этнический отпечаток, что описывается понятием «этническое кодирование». Соответствующее кодирование – важная предпосылка для возникновения прочного этнического сознания, которое можно использовать как раз в переломный период времени. Свой отпечаток оставила и теория воспитания нового «советского человека»¹². Здесь доминирует толерантное отношение к этническому многообразию; однако при этом утеряна

¹¹ Этим Beck указывает на биографо-теоретически используемую версию своего индивидуализирующего тезиса. «С одной стороны, формы восприятия становятся частными и одновременно – в смысле оси времени – внеисторическими. Дети уже не понимают жизненной связи с родителями, не говоря уже о прародителях. Т.е. временные горизонты восприятия жизни все больше сужаются, пока не сокращаются до пограничного случая истории (вечного) прошлого и пока все не начинает крутиться вокруг собственного Я, личной жизни» [3, S.216].

¹² Однако работа Ю.Бромлея [1], ведущего советского этнографа, показывает, что возникновение нового советского человека должно сопровождаться примордиальными пониманием этноса. Это, возможно, объясняет удивительно высокую готовность части русской интеллигенции этнически объяснить развал СССР и связанные с ним конфликты.

способность четко различить этническую семантику («этнический дальтонизм»).

Значение процесса трансформаций. Опыт трансформации советского общества связан со многими тенденциями, заложенными в прошлом. На советской политике в определенной мере отразилось мультикультурное мышление, характерное для политической диссидентской мысли, склонной к поддержке борьбы за «национальную независимость».

Кроме того, подход по национальному принципу был вызван дефицитом альтернативных семантических подходов (например, западной либеральной традиции) (см.: [10]). Наконец, ввиду отсутствия возможностей создавать независимые ассоциации, артикуляция гражданских интересов происходила путем формирования неформальных сетей, которые легко «этнанизировались» в узком спектре возможностей политической деятельности. К тому же после разрушения значительной части прежней государственной инфраструктуры этнические объединения стали значимыми для решения жизненных проблем.

Большинство опрошенных не считает трансформационный процесс негативным в принципе. Для многих огромную роль играет появившаяся возможность артикулировать свои интересы в рамках организаций гражданского общества. Случай Дианы С. указывает на то, что падение режима могло переживаться как освобождение и теми людьми, которые жили в согласии с прежней политической системой. Негативно воспринимаются лишь новые трудности при решении социальных проблем, которые, впрочем, мало затронули самих информантов.

Таким образом, многим удается найти в новом обществе место, которое дает возможность реализовать свои профессиональные способности и обеспечивает хоть и нестабильный, но достаточный доход. Но если самостоятельная молодежь и предпримчивые люди вообще могут извлечь выгоду из расширявшегося спектра возможностей, то, напротив, пенсионеры, инвалиды и другие зависящие от помощи государства группы населения наталкиваются на большие сложности с приспособлением к новой реальности. Эта ситуация воспринимается ими часто как биографический тупик.

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

Использованная литература

1. Бромлей Ю. Очерки теории этноса. Л.: Наука, 1983.
2. Alheit P., Dausien B. *Arbeiterleben: eine qualitative Untersuchung von Arbeiterlebensgeschichten*. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1985.
3. Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt: Suhrkamp, 1986.
4. Berger P.L., Luckmann T. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Fischer, 1980.
5. Bude H. *Deutsche Kartieren*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987.
6. Engelhardt M. von. Biographie und Identität. Die Rekonstruktion und Präsentation von Identität im mündlichen autobiographischen Erzählen // Wer schreibt meine Lebensgeschichte?: Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhänge / Hrsg. von W. Sparn. Gütersloh: Mohn, 1990. S.197–247.
7. Engelhardt M. von. Geschlechtsspezifische Muster des mündlichen autobiographischen Erzählens im 20. Jahrhundert. (MS) // Autobiographien von Frauen. Beiträge zu ihrer Geschichte (im Erscheinen) / Hrsg. von M. Heuser. Tübingen, 1996.
8. Goffman E. *Asyle. Über die soziale Situation psychiatrischer Patienten und anderer Insassen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973.
9. Hoerning E. Lebensereignisse: Übergänge im Lebenslauf // Methoden der Biographie und Lebenslaufforschung / Hrsg. von W. Voges. Opladen: Leske und Budrich, 1987. S.232–259.
10. Joppke Ch. Intellectuals, Nationalism, and the Exit from Communism: The Case of East Germany // Comparative Studies in Society and History: An International Quarterly, 1995. №37(2): P.213–241.
11. Kohli M. «Von uns selber schweigen wir». Wissenschaftsgeschichte aus Lebensgeschichten // Geschichte der Soziologie: Band 1 / Hrsg. von W. Lepenies. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. S.428–465.

12. Kohli M. Wie es zur «biographischen Methode» kam und was daraus geworden ist: Ein Kapitel aus der Geschichte der Sozialforschung // Zeitschrift für Soziologie, 1981. №10. S.273–293.
13. Kohli M. Die Institutionalisierung des Lebenslaufs // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. V.37. S.1–29.
14. Kohli M. Normalbiographie und Individualität: Zur institutionellen Dynamik des gegenwärtigen Lebenslaufregimes // 23. Deutscher Soziologentag 1986. Sektions und Ad-hoc-Gruppen / Hrsg. von J.Friedrichs. Opladen, 1986. S.432–435.
15. Lamnek S. Qualitative Sozialforschung: Band 1 // Methodologie. 2., überarbeitete Auflage. Weinheim: Beltz/Psychologie Verlagsunion, 1993.
16. Mayer K.-U. Biographie oder Lebensverlauf? Über die Tauglichkeit zweier Konzepte, Kurseinheit 1, Studienbrief 3636/1/01/S. Hagen.: Hrsg. von Fernuniversität Hagen, 1988.
17. Mayer K.-U. Gesellschaftlicher Wandel, Kohortengleichheit und Lebensverläufe // Sozialstruktur und Lebenslauf / Hrsg. von A.Berger und P.Sopp. Opladen: Leske und Budrich, 1995. S.27–48.
18. Mead G.H. Geist, Identität und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.
19. Reichertz J. Der Hermeneut als Autor: Zur Darstellbarkeit hermeneutischer Fallrekonstruktionen // Österreichische Zeitschrift für Soziologie, 1991. №16(4). S.3–16.
20. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt: Band 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994.
21. Schütze F. Die Technik des narrativen Interviews in Interaktionsfeldstudien – dargestellt an einem Projekt zur Erforschung von kommunalen Machtstrukturen (Universität Bielefeld, Fakultät für Soziologie: Arbeitsberichte und Forschungsmaterialien №1). Bielefeld (MS), 1977.
22. Schütze F. Prozeßstrukturen des Lebenslaufs // Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive. Kolloquium am Sozialwissenschaftlichen Forschungszentrum der Universität Erlangen-Nürnberg / Hrsg. von J.Matthes, A.Pfeifenberger, M.Stosberg. Nürnberg: Verlag der Nürnberger Forschungsvereinigung e.V., 1981. S.67–156.

От национального патриотизма до этнического дальтонизма...

23. Simmel G. Exkurs über den Fremden // Der Gast, der bleibt. Dimensionen von Georg Simmels Analyse des Fremdseins / Hrsg. von A.Loycke. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1992. S.9–16.
24. Smith A.D. National Identity. Harmondsworth: Penguin, 1991.
25. Wallman S. Identity Options // Minorities: Community and Identity / Ed. by C.Fried. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: Springer, 1983. P.69–78.
26. Weber M. Die protestantische Ethik I. Eine Aufsatzsammlung. Herausgegeben von Johannes Winckelmann. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1981.
27. Wohlrab-Sahr M. Institutionalisierung oder Individualisierung des Lebenslaufs? Anmerkungen zu einer festgefahrenen Debatte // BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. 1992. №5(1): S.2–19.
28. Wohlrab-Sahr M. Biographische Unsicherheit. Formen weiblicher Identität in der «reflexiven Moderne»: Das Beispiel der Zeitarbeiterinnen. Opladen: Leske und Budrich, 1993.

Перевод с немецкого Виктора Воронкова